
ЗАМЕТКИ ПОСТОРОННЕГО

К 125-летию В. В. Набокова

Александр ЗАХАРОВ

ГОВОРИ, МНЕМОЗИНА!

Заметки энтомолога
о Владимире Набокове

«Летним утром, в легендарной России моего отрочества, проснешься, бывало, и сразу смотришь: какова щель между ставнями? Ежели водянисто-бледна, не стоит и растворять ставни, хоть избавишься от зрелища — насупленный день позирует для своего портрета в луже. С какой досадой выводидь из линии тусклого света свинцовое небо, промокший песок, овсяную кашницу бурых опавших соцветий под кустами сирени и этот рыжеватый листок (первая утрата лета), плоско прилипший к мокрой садовой скамейке!

Александр Алексеевич Захаров родился в 1956 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет ЛГУ по специальности «Русский язык и литература». Член Союза журналистов России (СССР) с 1983 года. Член ФИЖЕТ (Международная федерация журналистов, пишущих о туризме). Как литературовед и критик печатался с 1981 года в журналах «Звезда», «Литературное обозрение», «Север», «Звезда Востока» и др. Энтомолог-любитель.

Но если ставни шурились от ослепительно-росистого сверканья, я тотчас принуждал окно отдать свое сокровище: одним махом комната раскалывалась на свет и тень. Пропитанная солнцем березовая листва поражала взгляд прозрачностью, которая бывает у светло-зеленого винограда; еловая же хвоя бархатно выделялась на синеве, и эта синева была такой насыщенности, какую мне довелось опять отыскать только много лет спустя в горноборовой зоне Колорадо.

С семилетнего возраста все, что я чувствовал, завидя прямоугольник обрамленного солнечного света, подчинялось одной-единственной страсти. Первая моя мысль при блеске утра в окне была о бабочках, которых припасло для меня это утро», — писал Набоков в шестой главе книги «Память, говори», которая в одном из ранних вариантов называлась «Мнемозина, говори».

Насколько я помню, тогда издатели сказали ему, что это слишком сложно для современных, тем более американских, читателей: знать, что Мнемозина, конечно, богиня памяти.

Писатель согласился. А между тем именно такое название мемуаров — с античным оттенком — более всего было заманчиво для него. Да просто потому, что по дороге из Петербурга на Псков, и как раз возле имения Рождествено, которое так безнадежно запоздало подарил ему дядя Рука в 1916 году, летала ежегодно в конце июня бабочка *Parnassius mnemosina* L. — «мнемозина», которую между собой бабочники называли «черным аполлоном».

Бабочка, прямо скажем, скромная по расцветке, то есть почти черно-белая, но очень «локальная». Это означает, что летала она пару недель в году не повсюду, а лишь там, где произрастало кормовое растение ее гусеницы — хохлатка.

А хохлатка произрастала не везде. В основном на травянистых берегах какой-нибудь реки. И Оредеж, протекавшая прямо у барского дома в Рождествено, хохлатке, а значит, и мнемозине подходила.

Вот именно «локальность» своей памяти, а вовсе не особую грамотность по части мифологии и хотел подчеркнуть Набоков, предлагая первое название для книги воспоминаний.

Вообще, я давно заметил, что узкоспециальные знания заманивают коллег в увлекательную игру, смысла которой никто из дилетантов никогда не обрящет. Думаю, так между собой шутят и химики, и медики, и физики — вообще все, кроме лириков, чей лексический запас общедоступен и потому часто пошловат. Ну и биологи, конечно, в такие игры издавна играют.

Вот, например, создатель бинарной биологической номенклатуры, великий Карл Линней весьма остроумно однажды «подколол» директора нашего Ботанического сада на Аптекарском острове Иоганна Сигезбека. Они сначала дружили и переписывались, но потом поругались, поскольку петербургский ботаник выступил против «половой системы классификации растений», предложенной шведским коллегой. Довод Сигезбека был веский, но, конечно, оказался бы совершенно непонятным сегодня: «Бог никогда не допустил бы в растительном царстве такого безнравственного факта, как то, что несколько мужей (тычинок) имеют одну жену (пестик). Не следует преподносить учащейся молодежи подобной нецеломудренной системы».

В ответ Линней назвал одно из новых растений *Sigesbeckia orientalis* («сигезбекия восточная») и послал ее семена в Петербург в мешочке с надписью *Cuculus ingratus* («кукушка неблагодарная»). Надо ли говорить, что Сигезбек очень огорчился, дождавшись всходов!

Как профессиональный бабочник, Владимир Набоков тоже не отказывал себе в удовольствии ввернуть в текст некоторые энтомологические шутки, которые вряд ли

будут понятны большому числу читателей. Среди читателей «дуремаров» мало, зато среди писателей — пруд пруди.

Например, рассказывая о фамильном имени Батово, неподалеку от Рождествена, он касается «пистолетной дуэли Рылеева с Пушкиным, о которой так мало известно», произошедшей там «в парке между 6-м и 9-м мая (по старому стилю) 1820 года. Пушкин и двое его друзей, барон Антон Дельвиг и Павел Яковлев, провожавших его до конца первого перегона на длинном пути из Петербурга в Екатеринослав, мирно своротили с Лужского тракта в Рождествено, переехали мост (уханье копыт сменилось недолгим клацаньем), и старой колеиной дорогой покатали на запад, в Батово. Здесь, перед самой мызой, их с нетерпением ждал Рылеев. Он только что отослал жену, бывшую на сносях, в их поместье под Воронежем и спешил покончить с дуэлью, чтобы — коли будет на то воля Господня — соединиться с нею.

Кожей и ноздрями чую упоительную сельскую свежесть весеннего дня, встретившую Пушкина и его секундантов, когда они выбрались из кареты и вошли в липовую аллею, начинавшуюся за еще девственно черными цветниками Батово. Ясно вижу эту троицу молодых людей (сумма их лет равняется моему теперешнему возрасту), идущих по парку за его владельцем и двумя неизвестными.

Об эту пору маленькие, мятые фиалки пробиваются сквозь ковер прошлогодней листвы, и только что вылупившиеся оранжевые белянки опускаются на подрагивающие одуванчики. Судьба поколебалась с миг, не зная, что ей предпочесть — преградить ли героическому мятежнику путь на виселицу, лишить ли Россию „Евгения Онегина“, — но затем решила не ввязываться».

Так вот. Из всех видов бабочек, которые в это время могли бы уже путаться под ногами Пушкина и Рылеева вместо судьбы, писатель выбрал только «оранжевых белянок» — так в русском варианте текста, а в английском — это «orange tip». На линнеевской же латыни — *Anthocharis cardamines* L. Эта бабочка — я всегда с удовольствием ее вспоминаю! — весной самая веселая у нас, потому что все остальные белянки в эту пору (репница, брюквенница, горошковая белянка, чуть погодя капустница — одним словом, «пиериды») бледно-белые и даже сероватые, чаще с желтоватым исподом, а самцы нашей «антохарис» — с ярко-красными кончиками верхних крыльев. Потому-то мы и зовем их — «зорька». Ну а от зорьки до зари революции, применительно к Рылееву — декабризма, один шаг.

Так получилось, что в поздние годы перестройки мне довелось дважды беседовать с Дмитрием Набоковым, который приезжал в Россию не только посетить «родные пенаты» отца, но и урегулировать вопросы с его авторскими правами, потому что в неразберихе того времени Владимира Набокова издавали все кому не лень. При этом я еще очень тогда сочувствовал Андрею Битову, который, мне кажется, никак не предполагал, что Набокова вообще когда-нибудь разрешат в России печатать.

С Дмитрием Набоковым первый раз мы говорили в их доме на Большой Морской, второй — в гранд-отеле «Европа», где он остановился. У меня среди книг на полках где-то спрятались фотографии — нет, пожалуй, «фотки», на которых мы чокаемся рюмками.

Дмитрий Набоков, конечно, по приезде Рождествено, Батово и еще Суйду назад не требовал, но права наследования на произведения отца, естественно, хотел бы сохранить и гонорары получать. Но мне больше всего запомнилось, что, рассказывая о поездке в Рождествено, он называл Оредеж в мужском роде: «Я видел Оредеж, он такой же синий».

Этот пейзаж в Рождествено — самый вдохновляющий по шоссе из Петербурга во Псков и сейчас. Слева, на высоком берегу, стоит барский дом, а справа — запруда с кувшинками, которую образует здесь река.

По этой дороге, но только дальше, на 192-й километр, я ездил в 1980—1990 годах по несколько раз за лето: в Плюсском районе у моих родителей был летний дом. Несколько раз — это значит каждый раз на ловитву каких-то конкретных видов: бабочки ведь не вылетают из куколок когда ни попадя, а каждая в свое время. Летели вышеупомянутые «зорьки», месяцем позже приснопамятные мнемозины, а еще недели через три — тополевы ленточники, которых Набоков тоже в книге «Память, говори» поминает.

Впрочем, иногда его сведения оказываются на сегодняшний день уже устаревшими. Он с детским восторгом писал о редчайшей тогда в наших с ним местах поимке нимфалиды «дневной павлиний глаз» (*Vanessa io* L. в тогдашней номенклатуре), а сейчас от нее буквально спасу нет, как я говорю со старческим брюзжанием, вынимая из сачка и отбрасывая в полет очередной экземпляр, пойманный на роскошном цветке чертополоха в надежде, что это не «она». За почти полтора века между его детством и моей старостью некогда чисто сибирский вид, постепенно продвигаясь на нашу сторону Урала, занял всю европейскую часть, невольно подтверждая гумилевские тезисы о пассионарности и вильфандские о потеплении климата.

Как бы то ни было, однажды утром, когда я проходил несколько своих ежедневных километров по обочине шоссе туда и обратно, чтобы собрать сбитых за ночь ударной волной от дальнобойщиков ночных бабочек, я увидел сидящего на песке махаона (*Parilio machaon* L.). Это было в первый раз со мной в Псковской области и поэтому очень неожиданно. Я не знал, до какой степени махаон контужен и следует ли его предварительно накрыть для верности сачком или просто взять рукой. Я накрыл. И сразу вспомнил, как о подобной встрече в детстве с махаоном писал Набоков:

«На жимолости, нависшей поверх гнutoго прислона скамьи, что стояла против парадного крыльца, мой ангел-наставник (чьи крылья, хоть и лишённые флорентийского ободка, очень походят на крылья Гавриила у Фра Анджелико) указал мне редкого гостя, великолепное, бледно-желтое животное в черных и синих ступенчатых пятнах, с киноварным глазком над каждой из парных черно-палевых шпор. Свешиваясь с наклоненного цветка и упиваясь им, оно слегка изгибалось словно припудренное тельце и все время судорожно хлопало своими громадными крыльями. Я стонал от желания, острее которого ничего с тех пор не испытывал. Проворный Устин, который был швейцаром у нас в Петербурге, но по комического свойства причине (объясненной в другом месте) оказался тем летом в деревне, ухитрился поймать бабочку в мою фуражку, после чего ее вместе с фуражкой заперли в платяном шкапу, где, по благодушному домыслу *Mademoiselle*, пленнице полагалось за ночь умереть от нафталина. Однако когда на следующее утро *Mademoiselle* отперла шкап, чтобы взять что-то, мой махаон с мощным шорохом вылетел ей в лицо, затем устремился к растворенному окну, и вот, ныряя и рея, уже стал превращаться в золотую точку, и все продолжал лететь на восток, над тайгой и тундрой, на Вологду, Вятку и Пермь, а там — за суровый Урал, через Якутск и Верхнеколымск, а из Верхнеколымска — где он потерял одну шпору — к прекрасному острову Св. Лаврентия, и через Аляску на Доусон, и на юг, вдоль Скалистых Гор, где наконец, после сорокалетней погони, я настиг его и поймал на иммигранте-одуванчике под эндемической осиной близ Боулдера».

В последней фразе здесь очередная энтомологическая шутка Набокова: махаон пролетел маршрутом, которым эмигрировал из революционной России один из его родственников.

Мой махаон тоже от меня улетел. Но я не жалею. Когда наш университет, а точнее, наш филологический факультет взял что-то наподобие шефства над квартирой Набо-

кова, где создавался музей, а затем частично и над домом в Рождествено, который, как и полагается любой уважающей себя дворянской усадьбе, не раз горел, у меня возникла идея собрать коллекцию бабочек, упоминавшихся в «Даре» и в «Память, говори», сопроводив каждый вид соответствующей цитатой из этих произведений. Я поделился идеей с кем-то на факультете — и, возможно, напрасно, потому что меня начали торопить с ее реализацией к какому-то знаменательному, по всей видимости, дню в жизни Рождествена.

В итоге, не подготовив тексты, бабочек я из разных своих коробок (а это, между прочим, всегда был ужасный дефицит!) собрал в одну коробку и отнес. Коробку отвезли в усадьбу. Один раз потом я ее в Рождествене видел, больше я там не был, но говорят — там коробка.

А значит, и махаон наш там. Или полетел дальше.